ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ*).

По поводу дневника Н. И. Кривцова.

Отъ начала нынѣшняго столѣтія сохранился дневникъ молодаго Русскаго офицера, путешествовавшаго за границею послѣ великихъ отечественныхъ войнъ. Молодому офицеру было 23 года. Онъ былъ раненъ подъ Кульмомъ; у него ядромъ оторвало ногу, и это положило конецъ его военной карьерѣ. Сначала думали даже, что онъ не встанетъ; однако послѣ ампутаціи онъ оправился и въ 1814 году поѣхалъ изъ Вѣны, черезъ Тироль и Швейцарію, въ Парижъ, гдѣ пробылъ довольно долгое время, сдѣлавъ только маленькую поѣздку въ Лондонъ, наконецъ въ 1817 году вернулся въ Россію. Во все это время, по примѣру многихъ людей того вѣка, онъ велъ дневникъ, записывая въ немъ все видѣнное и слышанное, свои впечатлѣнія и мысли. Дневникъ писанъ на Французскомъ языкѣ, часто съ большими неправильностями и съ уклоненіями отъ орѳографіи. Видно, что подготовки было мало, мысли вообще далеко не зрѣлы; авторъ, очевидно, находился еще въ періодѣ броженія. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ, что галиматья, которую онъ заноситъ въ свой журналъ, по мѣрѣ того какъ мысли взбредутъ ему въ голову, когда-нибудь послужитъ ему воспоминаніемъ юности. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ видно столько ума, столько наблюдательности, такія возвышенныя стремленія, такой просвѣщенный взглядъ на вещи, такія мѣткія, удивительныя для 23-хълѣтняго, неподготовленнаго юноши сужденія о людяхъ и объ окружающихъ явленіяхъ, что они становятся любопытнымъ памятникомъ прошлаго. Мы здѣсь живьемъ захватываемъ человѣка Александровскаго времени, въ самый періодъ его внутренняго сложенія. Читая эти замѣтки, невольно спрашиваешь себя: найдется ли теперь молодой гвардейскій офицеръ, способный наблюдать и размышлять такимъ образомъ, съ такимъ просвѣщеннымъ взглядомъ, съ такимъ стремленіемъ къ самообразованію?

---

*) Эта статья, написанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должна была служить предисловіемъ къ предполагавшемуся изданію дневника Н. И. Кривцова.

Для тѣхъ, кто, какъ я, зналъ автора въ своей молодости, этотъ дневникъ представляетъ сугубый интересъ. Онъ воскрешаетъ образъ человѣка, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ и имѣвшаго благотворное вліяніе въ той средѣ, въ которой ему суждено было жить. Кто же былъ этотъ молодой офицеръ? Откуда онъ взялся и что съ нимъ сталось? Отчего онъ прошелъ незамѣченнымъ въ томъ обществѣ, гдѣ, по своимъ способностямъ и образованію, онъ могъ повидимому играть весьма значительную роль?

Николай Ивановичъ Кривцовъ родился въ 1791 году, въ родовомъ имѣніи Тимоѳеевскомъ, Орловской губ. Болховскаго уѣзда. Его родители были небогатые мѣстные дворяне, и все свое дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ, безъ серьезнаго воспитанія, но при значительномъ баловствѣ, чему содѣйствовало его слабое въ первые годы тѣлосложеніе. Когда пришла пора вступать на службу, родственникъ его, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, отецъ извѣстнаго писателя, отвезъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ юнкеромъ въ полкъ. Произведенный въ офицеры, онъ со страстью предался военному дѣлу и принялъ участіе въ войнѣ 1812-го года. Но оторванная подъ Кульмомъ нога сдѣлала для него невозможнымъ продолженіе военной службы. Тогда онъ обратилъ свои мысли въ другую сторону. Онъ хотѣлъ сдѣлаться полезнымъ Отечеству на гражданскомъ поприщѣ, для чего прежде всего нужно было подготовить себя самообразованіемъ. Съ этой цѣлью онъ и предпринялъ путешествіе, котораго слѣды остались въ дневникѣ. Молодой человѣкъ не только восторгался красотами природы и образованнымъ бытомъ тѣхъ странъ, черезъ которыя довелось ему ѣхать; пытливый умъ его вникалъ во всѣ хозяйственныя подробности: онъ осматривалъ фабрики, различныя заведенія, собиралъ самыя точныя свѣдѣнія и все заносилъ въ свой дневникъ. Въ Женевѣ и потомъ въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи технологіи, физики, политической экономіи, литературы, права, сближался съ замѣчательными людьми, много читалъ, учился Англійскому языку. Въ 1814 году онъ въ Парижѣ ревностно посѣщалъ музеи, гдѣ въ то время собраны были величайшія сокровища искусства. Въ видахъ распространенія образованія въ Россіи, онъ одинъ изъ первыхъ занялся изученіемъ Ланкастерскихъ школъ, которыя тогда только что возникали. Лагарпъ, съ которымъ онъ сблизился въ Парижѣ, уговорилъ его написать объ этомъ предметѣ записку, которая была представлена Государю. Всѣ эти занятія не мѣшали ему вести довольно свѣтскую жизнь. Свои вечера онъ проводилъ обыкновенно въ театрѣ, въ великосвѣтскихъ гостинныхъ, а иногда и въ ученомъ обществѣ. Извѣстный аббатъ Грегуаръ, литераторъ Андріе, Жанъ-Батистъ Сей, публицисты Контъ и Дюнойе принадлежали къ постоян-

ному кругу его знакомыхъ. Въ Парижѣ въ то время было чему научиться, и Кривцовъ въ полной мѣрѣ воспользовался всѣми доступными ему средствами. Въ салонахъ или въ театрѣ, въ ученомъ обществѣ или у себя дома, вездѣ онъ искалъ мысль, цѣня ее въ другихъ, стараясь развить ее въ себѣ и постоянно имѣя въ виду одну высшую цѣль: приготовить себя на служеніе Отечеству.

Въ Россію Николай Ивановичъ вернулся уже созрѣвшимъ молодымъ человѣкомъ, съ значительнымъ запасомъ свѣдѣній и съ довольно ярко либеральнымъ образомъ мыслей. Кристинъ въ своихъ письмахъ называетъ его: «mon cher Jacobin». Въ Петербургѣ и въ Москвѣ Кривцовъ немедленно вступилъ въ тогдашній литературный кругъ и сблизился съ замѣчательными людьми того времени, съ Карамзинымъ, съ Дмитріевымъ, съ Жуковскимъ, съ Вяземскимъ, съ молодымъ Пушкинымъ, который посвятилъ ему одно изъ своихъ стихотвореній и остался съ нимъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Петербургѣ Кривцовъ вращался въ высшемъ великосвѣтскомъ и чиновномъ кругу. Государь, которому онъ былъ рекомендованъ Лагарпомъ, осыпалъ его милостями. Младшіе его братья, Сергѣй, впослѣдствіи сосланный за участіе въ 14-омъ Декабря, и Павелъ, бывшій потомъ совѣтникомъ посольства въ Римѣ, были отправлены на казенный счетъ въ Швейцарію, въ учебное заведеніе Фелленберга. Николай Ивановичъ, не смотря на свои молодыя еще лѣта, слѣдилъ за братьями съ истинно-отеческимъ попеченіемъ и переписывался съ Фелленбергомъ. Самъ онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ управлялъ тогда, знакомый ему еще съ Парижа, графъ Каподистріа Онъ просился въ Соединенные Штаты, но по волѣ Государя былъ причисленъ къ посольству въ Англіи, гдѣ въ то время посломъ былъ князь Ливенъ Тамъ онъ сошелся съ Блудовымъ, который также состоялъ при Русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ

Пребываніе въ Англіи наложило окончательную печать на образъ мыслей Николая Ивановича. Онъ усердно сталъ изучать Англійскія учрежденія, въ особенности административныя, имѣя всегда въ виду бо̀льшую или меньшую возможность примѣненія ихъ къ Россіи. Изъ писемъ его видно, что онъ между прочимъ изучалъ брошюру Фонъ-Финке, лучшее въ то время и даже долго послѣ сочиненіе объ Англійской администраціи. Но особенно онъ плѣнился Англійскимъ бытомъ, жизнью въ за̀мкахъ, которая представлялась ему идеаломъ частнаго существованія Въ 1819 году онъ возвратился въ Россію англоманомъ и такимъ остался всю свою жизнь

Эта перемѣна отразилась на всемъ его образѣ мыслей и была отмѣчена его друзьями. «Кривцовъ вышелъ изъ полку либералистовъ», пишетъ Карамзинъ въ одномъ письмѣ. А Пушкинъ писалъ ему изъ Бессарабіи: «ты, говорятъ, сдѣлался аристократомъ; это дѣло. Только не забывай своихъ демократическихъ друзей 1818 года».

Въ 1821 году Кривцовъ женился на Катеринѣ Ѳедоровнѣ Вадковской, внучкѣ графа Ивана Григорьевича Чернышова, принадлежавшей къ высшему Петербургскому кругу. Этотъ романъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Какъ видно изъ дневника Николая Ивановича, страсть возгорѣлась въ немъ еще до поѣздки въ Англію и наконецъ увѣнчалась успѣхомъ. Карамзинъ и его жена были у него посаженымъ отцомъ и матерью на свадьбѣ.

Въ 1823 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу, а потомъ въ Воронежъ. Но здѣсь онъ попалъ въ среду старыхъ ябедниковъ и взяточниковъ, которымъ удалось его подвести. Однажды, въ присутствіи Губернскаго Правленія, онъ открылъ подлогъ совершенный секретаремъ. По природѣ вспыльчивый, онъ не выдержалъ и тутъ же въ присутствіи разбранилъ виновнаго, назвавъ его подлецомъ. Составили протоколъ, въ которомъ свидѣтельствовали, что губернаторъ передъ зерцаломъ позволилъ себѣ неприличныя выраженія, объясняя это сумашествіемъ. Безъ сомнѣнія, это было сдѣлано въ надеждѣ на поддержку генералъ-губернатора Балашова, съ которымъ Кривцовъ былъ не въ ладахъ. На бѣду въ это время умеръ покровительствовавшій ему Государь. Въ новое царствованіе требовались болѣе гибкія орудія. Кривцова немедленно перевели въ Нижній и нарядили слѣдствіе. При враждѣ генералъ-губернатора, не трудно было представить дѣло въ такомъ видѣ, что Кривцова за строптивый характеръ причислили къ Департаменту Герольдіи. Возмущенный несправедливостью, онъ вышелъ въ отставку.

Такимъ образомъ, всѣ эти блестящія дарованія, вся эта замѣчательная подготовка, эта ревность къ общему благу, пропали для государства. Явленіе постоянно повторявшееся и впослѣдствіи: когда правительство не дорожитъ просвѣщенными людьми, не старается привлечь ихъ къ себѣ и удержать ихъ, щадя даже слабыя ихъ стороны, государство лишается лучшихъ своихъ слугъ. Они уходятъ въ частную жизнь и тамъ оставляютъ по себѣ слѣдъ, невидимый, но иногда не менѣе плодотворный.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, друзьямъ Николая Ивановича, оставшимся у власти, удалось выхлопотать ему аренду, обѣщанную еще Александромъ Павловичемъ. «Кривцовъ получилъ аренду», писалъ

по этому поводу Николай Филиповичъ Павловъ моему отцу: «какъ бы съ нимъ не случилось того же, что̀ съ Ермоловымъ?»

Извѣстно, что Ермоловъ, принужденный выдти въ отставку въ началѣ царствованія Николая Павловича, поселился въ Москвѣ и на первыхъ порахъ сдѣлался любимцемъ тогдашняго либеральнаго Московскаго общества. Львиная фигура героя отечественной войны и Кавказа, одѣтая въ черный фракъ, всюду была предметомъ общаго вниманія. Государю это не понравилось; онъ видѣлъ въ этомъ оппозиціонный духъ. Пріѣхавши въ Москву, онъ призвалъ къ себѣ Ермолова, обласкалъ его и выразилъ желаніе, чтобы тотъ опять вступилъ на службу. Ермоловъ поддался этимъ внушеніямъ, возмечтавъ о возобновленіи прежней карьеры. Онъ надѣлъ мундиръ; но результатомъ было то, что онъ въ обществѣ тотчасъ потерялъ все, а у правительства не выигралъ ничего: онъ умеръ въ старости заштатнымъ генераломъ.

Съ Кривцовымъ не могло случиться того же, что́ съ Ермоловымъ. Онъ не думалъ стать львомъ свѣтскаго общества, а исполнилъ свое завѣтное желаніе: переѣхалъ въ деревню и сдѣлался Русскимъ помѣщикомъ.

Мѣстность, гдѣ поселился Николай Ивановичъ, не представляла ничего привлекательнаго. Село Любичи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, на границѣ Саратовской, лежало въ голой степи, гдѣ не было ни одного деревца, ни даже какой бы то ни было помѣщичьей усадьбы. Небольшой пригорокъ, около котораго вьется рѣчка Вяжля, впадающая въ Ворону, съ находящеюся на ней небольшою мельницею, вотъ все, что̀ представляло новое поселеніе. Приходилось все создавать вновь, и Николай Ивановичъ принялся за это съ своей обычной энергіей и умѣніемъ.

На первыхъ порахъ не было даже гдѣ пріютить семью. Другіе помѣщики, въ подобныхъ обстоятельствахъ, живали въ каретахъ съ своими женами, пока не кончена была первая постройка. Кривцову не пришлось испытать такой крайности: его принялъ у себя мой дѣдъ, Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій, котораго имѣніе, село Уметъ, находилось въ трехъ верстахъ отъ Любичей. Съ тѣхъ поръ установилась тѣсная связь между обѣими семьями. Живя въ Уметѣ, Кривцовъ построилъ первый флигель, куда онъ перевезъ свое семейство, состоявшее изъ жены и маленькой дочери. Затѣмъ онъ приступилъ къ постройкѣ усадьбы. Воздвигся большой барскій домъ, безъ прихотей стараго Русскаго барства, но со всѣми удобствами Англійскаго комфорта, отдѣланный со вкусомъ, съ удобною и пріютною гостинною, гдѣ красовался большой, изящной формы каминъ, съ лежащею въ сторонѣ столовою, съ большою библіотекой, съ прекрасными, примыкающими

къ дому оранжереями, съ капитальными надворными принадлежностями. Недалеко отъ дома, на вершинѣ холма, вознеслось другое зданіе, единственное которое носило на себѣ характеръ фантазіи: высокая башня красивой архитектуры, съ развѣвающимся на ней флагомъ, господствующая надъ мѣстностью, напоминая собою Англійскіе замки. Она предназначалась для пріѣзжихъ гостей. Самъ Кривцовъ, съ своей сдѣланной въ Англіи пробочною ногою, взбирался на вершину этой башни, обозрѣвалъ оттуда окрестность и чертилъ планъ для своего парка. Страстный садоводъ, онъ усердно занялся посадками, самъ ѣздилъ за растеніями въ Пензу, гдѣ тогда уже существовало казенное садовое заведеніе, и привезъ оттуда искуснаго садовника Магзига, управлявшаго этимъ заведеніемъ. Магзигъ былъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ по части разбиванія садовъ. Съ его помощью Кривцовъ обратилъ въ красивый паркъ обширную мѣстность кругомъ усадьбы. Наконецъ, такъ какъ въ Любичахъ не было церкви, и приходъ былъ въ Уметѣ, то къ дому была придѣлана изящной архитектуры домашняя часовня. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, для причта возведенъ былъ большой каменный домъ, въ Англійскомъ стилѣ; а въ чистомъ полѣ, далеко отъ жилья, построена была другая маленькая часовня, гдѣ владѣлецъ заранѣе приготовилъ себѣ послѣднее жилище.

Такимъ образомъ, въ голой степи мало-по-малу возникъ прелестный оазисъ, уютный и просторный уголокъ, гдѣ можно было найти всѣ удобства и все изящество образованнаго быта. И все это было сдѣлано обдуманно и расчетливо; всякая мелкая подробность была основательно изучена, что̀ при ограниченности средствъ было вдвойнѣ необходимо. Ничто не должно было пропадать даромъ, ничто не жертвовалось пустой прихоти, нигдѣ не допускалась неряшливость или небрежность; съ прочностью и изяществомъ должна была соединяться и возможная дешевизна. Англоманія Кривцова не состояла въ легкомысленномъ бросаніи денегъ для перенесенія на Русскую почву несвойственныхъ ей порядковъ. Плѣнившись Англійскимъ бытомъ, онъ бралъ изъ него то, что̀ могло прійтись къ Русской средѣ и что̀ составляетъ потребность для образованнаго человѣка. И онъ могъ совершить это дѣло, при своемъ свѣтломъ умѣ, при своемъ желѣзномъ характерѣ, при неуклонномъ постоянствѣ въ преслѣдованіи разъ обдуманной и положенной цѣли, наконецъ при своемъ глубокомъ практическомъ смыслѣ. Я отъ весьма практическихъ людей слыхалъ, что они не знали болѣе практическаго человѣка, нежели Кривцовъ. Немудрено, что созданный имъ бытъ сдѣлался образцомъ для всего края. Это былъ новый просвѣщенный элементъ, внесенный въ Русскую помѣщичью жизнь.

Весь домашній порядокъ носилъ на себѣ ту же печать обдуманнаго и широкаго комфорта. Утро посвящалось хозяйственнымъ занятіямъ. Послѣ плотнаго завтрака, Кривцовъ садился въ таратайку, объѣзжалъ поля, осматривалъ постройки. Къ обѣду всѣ дѣла кончались. Онъ первый ввелъ въ нашемъ краю обычай позднихъ обѣдовъ, къ крайнему негодованію помѣщиковъ стараго закала, которые не могли простить ему этого посягательства на установившійся обычай. Вечеръ посвящался отдохновенію, чтенію, бесѣдамъ.

Въ обществѣ также не было недостатка. Мѣстность, гдѣ поселился Кривцовъ, представляла въ то время замѣчательное собраніе умныхъ и образованныхъ людей. Эта среда стóитъ того, чтобы сохранить о ней память. Она любопытна какъ характеристика той эпохи и той сферы, въ которой пришлось жить и дѣйствовать Кривцову.

Ближайшимъ сосѣдствомъ былъ Умѣтъ, гдѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ съ моимъ дѣдомъ жили и мои родители. Мой отецъ, человѣкъ яснаго и твердаго ума, высокаго нравственнаго строя, съ сильнымъ характеромъ, съ глубокимъ знаніемъ людей, съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и врожденнымъ чувствомъ изящнаго, скоро сошелся съ Кривцовымъ, не смотря на довольно значительную разность лѣтъ. Онъ былъ двѣнадцатью годами моложе Николая Ивановича, о которомъ онъ всегда говорилъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Еще ближе моя мать сошлась съ Катериною Ѳедоровною; послѣдняя въ одномъ письмѣ называетъ ее: «ma soeur de choix et d'affection» Сохранился цѣлый рядъ писемъ и записокъ Катерины Ѳедоровны, начиная съ 29 года. Они живо изображаютъ всю жизнь того времени и самую личность писавшей. Трудно сказать, сколько въ этихъ письмахъ прелести, граціи, игривости, остроумія и сердечности. Катерина Ѳедоровна была женщина, которая съ высшимъ изяществомъ формъ соединяла тонкій, живой, наблюдательный и нѣсколько насмѣшливый умъ, а вмѣстѣ и глубокія чувства. Въ молодости она была очаровательною собесѣдницей и всегда была искреннимъ другомъ. Немудрено, что при такомъ соединеніи качествъ мужа и жены, Любичи сдѣлались центромъ, куда тянуло со всѣхъ сторонъ. Подобное сочетаніе вообще встрѣчается рѣдко: онъ съ широкомъ умомъ и Европейскимъ образованіемъ, видѣвшій многія страны, близко знавшій и высшія политическія сферы, и литературныя знаменитости своего времени, человѣкъ свѣтскій, умѣющій вести оживленный, легкій и занимательный разговоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ практическій, изучающій всѣ подробности быта, вникающій во всѣ мѣстные интересы, относясь къ нимъ, то съ добрымъ совѣтомъ, то съ легкой иронією; она — тонкая и изящная, съ чуткимъ сердцемъ, съ игривымъ воображеніемъ, съ блестящимъ свѣтскимъ

остроуміемъ. Во всякомъ обществѣ имъ принадлежало бы видное мѣсто; въ тѣсномъ провинціальномъ кругу они естественно заняли выдающееся положеніе.

Но этимъ не ограничивалось сосѣдство. Верстахъ въ 15-ти отъ Умета и Любичей находился другой центръ, не менѣе замѣчательный. Внизъ по теченію Вяжли лежитъ большое село, въ нѣсколько тысячъ душъ, носящее также названіе Вяжли. Это село было подарено императоромъ Павломъ братьямъ Баратынскимъ, которые служили при немъ еще въ Гатчинѣ и пользовались его милостью. Изъ нихъ Абрамъ Андреевичъ былъ женатъ на любимой фрейлинѣ императрицы Марьи Ѳедоровны, рожденной Черепановой, женщинѣ отмѣнно умной и образованной. Марья Ѳедоровна сама устроила эту свадьбу и одарила невѣсту приданымъ. Абрамъ Андреевичъ поселился въ той части Вяжли, которая носитъ названіе Мары, и здѣсь зажилъ на широкую барскую ногу. Недалеко отъ дома лежитъ оврагъ покрытый лѣсомъ, съ бьющимъ на днѣ его ключемъ. Здѣсь были устроены пруды, каскады, каменный гротъ, съ ведущимъ къ нему изъ дому потаеннымъ ходомъ, бесѣдки, мостики, искусно проведенныя дорожки. Поэтъ Баратынскій, въ своемъ стихотвореніи *Запустѣніе*, въ трогательныхъ чертахъ описываетъ эту мѣстность, гдѣ протекли первые дни его дѣтства, но которое было болѣе или менѣе заброшено послѣ смерти его отца, случившейся въ 1810 году. Вдова не думала уже о поддержаніи красоты усадьбы, о старыхъ барскихъ затѣяхъ; она вся предалась воспитанію дѣтей, и надобно сказать, что эта цѣль была достигнута ею вполнѣ. С. А. Соболевскій, который на своемъ вѣку видѣлъ образованнѣйшее общество Россіи и Европы, говорилъ мнѣ, что онъ не встрѣчалъ болѣе милыхъ, пріятныхъ и симпатичныхъ людей, какъ семья Баратынскихъ. Это сужденіе могли-бы подтвердить всѣ тѣ, кто ихъ зналъ.

Старшій братъ, Евгеній, былъ извѣстный поэтъ. Человѣкъ высокаго ума и образованія, и еще болѣе возвышенныхъ нравственныхъ свойствъ, всегдашній судья всѣхъ семейныхъ недоразумѣній, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательный собесѣдникъ. Его умъ, и тонкій, и глубокій, всегда согрѣтый теплымъ чувствомъ и украшенный поэзіей, дѣлалъ его удивительно привлекательнымъ. Въ дружеской бесѣдѣ, особенно за бокаломъ вина, онъ любилъ изливать всю свою душу. И онъ и жена его, Настасья Львовна, рожденная Энгельгардтъ, умная и образованная женщина, часто и по долгу гостили въ Марѣ.

Нерѣдко пріѣзжалъ сюда и второй братъ, Ираклій, который служилъ въ Петербургѣ и былъ флигель-адъютантомъ, что въ то время было рѣдкостью. Это былъ пріятный свѣтскій человѣкъ, съ тонкимъ умомъ, съ изящными формами. Его жена, женщина большаго свѣта, ст

литературнымъ образованіемъ, была извѣстною въ то время красавицею. Баронъ Гакстгаузенъ, который посѣтилъ Россію, когда Баратынскій былъ губернаторомъ въ Ярославлѣ, разсказываетъ то впечатлѣніе, которое произвела на него эта чета.

Третій братъ, Левъ, также началъ съ военной службы; онъ былъ адъютантомъ князя Репнина. Сердечная исторія понудила его выдти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мары. Холостяку, живущему въ деревнѣ, не трудно опуститься; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Левъ Абрамовичъ былъ молодъ, пріятной наружности, веселъ, остеръ, при этомъ литературно образованъ, хорошій музыкантъ. У него былъ неистощимый запасъ анекдотовъ, которые онъ разсказывалъ отлично. Его называли царемъ смѣха, le roi du rire. Разъ, наслышавшись извѣстнаго Петербургскаго остряка Мятлева, автора г-жи Курдюковой, Евгеній Абрамовичъ писалъ женѣ: «Онъ тѣшилъ всѣхъ, но меня менѣе другихъ, потому что напоминалъ мнѣ брата Льва, который рѣшительно его превосходитъ». Соболевскій ставилъ даже Льва Абрамовича, какъ собесѣдника, выше всѣхъ другихъ братьевъ, можетъ быть, вслѣдствіе сходства умовъ.

Едва ли однако не самымъ даровитымъ членомъ семьи былъ младшій братъ Сергѣй. Это была совершенно геніальная натура, живая, страстная, одаренная самыми разнообразными способностями. Онъ былъ медикъ по призванію, учился въ Московской Академіи, за тѣмъ поселился въ деревнѣ и безплатно лѣчилъ весь край. Къ нему стекались отовсюду; довѣріе къ нему было безграничное. Его приглашали даже изъ дальнихъ мѣстностей, и онъ не задумывался ѣхать по самымъ труднымъ дорогамъ. Изъ писемъ Катерины Ѳедоровны видно, что онъ въ осеннюю пору, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ Орловскую губернію лѣчить ея брата, съ которымъ едва былъ знакомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искусный механикъ; онъ собственноручно дѣлалъ все возможное: устраивалъ фейерверки, гравировалъ на мѣди, дѣлалъ сложные музыкальные инструменты, и все это съ величайшею точностью и отчетливостью. Изобрѣтательность его была удивительная; въ домашнемъ быту онъ сочинялъ всевозможныя приспособленія. Отецъ мой часто говаривалъ, что Сергѣй Абрамовичъ сдѣлался бы великимъ человѣкомъ, еслибы не родился Русскимъ бариномъ. Рядомъ съ этимъ у него были артистическія наклонности; онъ былъ архитекторъ и музыкантъ. Сдѣлавшись по смерти матери владѣльцемъ Мары, онъ возстановилъ въ новомъ видѣ описанное поэтомъ запустѣлое мѣсто. Надъ гротомъ въ оврагѣ, гдѣ онъ любилъ проводить цѣлые дни, укрываясь отъ лѣтняго зноя, Сергѣй Абрамовичъ построилъ прелестное лѣтнее жилище, куда онъ переселялся со всѣмъ семействомъ на нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ. Внизу, возлѣ

источника, возвышалась изящной архитектуры купальня, въ видѣ готической башни, къ которой велъ красивый мостъ. Вообще эта жизнь въ лѣсу представляла что-то волшебное. Въ семейные праздники по лѣсу развѣшивались разноцвѣтные фонари и зажигались Бенгальскіе огни, что̀ придавало всей мѣстности фантастическій видъ. Здѣсь устроивались хоры изъ классическихъ оперъ; а зимою Сергѣй Абрамовичъ ставилъ даже цѣлыя оперы, которыя разыгрывались семействомъ. Онъ могъ это дѣлать, ибо вся семья, и жена и дѣти, были прирожденные музыканты. Своей женитьбою, также какъ и черезъ брата, Сергѣй Абрамовичъ находился въ самой тѣсной связи со всѣмъ литературнымъ міромъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ Дельвига, понынѣ еще живущей, почтенной Софьѣ Михайловнѣ, единственной оставшейся въ живыхъ хранительницѣ преданій великой литературной эпохи, la veuve de la grande armée, какъ называлъ ее поэтъ Баратынскій *).

И ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ талантамъ Сергѣй Абрамовичъ присоединялъ еще то, что онъ, также какъ и его братья, былъ прелестный собесѣдникъ. Я зналъ людей съ блестящимъ остроуміемъ: достаточно назвать Герцена; но никого остроумнѣе Сергѣя Абрамовича я не встрѣчалъ. У него не было ничего односторонняго, придуманнаго, изысканнаго; не было ни собранія анекдотовъ, ни повтореній. Когда онъ былъ въ духѣ, остроуміе било у него полнымъ ключемъ, во всѣ стороны, съ яркими брызгами. Это были, одна за другою, самыя необыкновенныя выходки, самыя неожиданныя сопоставленія. Я понынѣ не могу безъ смѣха читать его писемъ, писанныхъ иногда по самому пустому поводу, напр. съ порученіемъ купить ему пива. И свое остроуміе, также какъ и свое сочувствіе, онъ дарилъ и старымъ, и молодымъ. Онъ одинаково сходился со всѣми поколѣніями, лишь бы лицо подходило подъ его строй. За то всѣ его любили, и всѣ къ нему льнули. Когда, бывало, пріѣдетъ Сергѣй Абрамовичъ, это былъ всеобщій праздникъ; хохотъ не умолкалъ въ домѣ по цѣлымъ днямъ. И когда онъ, наконецъ, соберется уѣхать, запрягаютъ лошадей, онъ садится за завтракъ, подаютъ непремѣнную бутылку шампанскаго, и тутъ-то начинаются разговоры! Непрерывнымъ потокомъ льются шутки, остроты, самыя уморительныя выходки, и такъ продолжается до обѣда. О лошадяхъ забываютъ, наконецъ приказываютъ ихъ отпрячь: Сергѣй Абрамовичъ, къ общей радости, остается до слѣдующаго дня. А на слѣдующій день опять начинается таже исторія: опять запрягаютъ лошадей, Сергѣй Абрамовичъ садится за завтракъ, является бутылка расколо-

*) Нынѣ и С. М. Баратынской нѣтъ уже на свѣтѣ: она скончалась 4 Марта 1888 года. Здравствуетъ только достойнѣйшая В. А. Рачинская. П. Б.

женнаго шампанскаго, льются потоки остроумія, и дѣло снова кончается тѣмъ, что лошадей ставятъ въ конюшню до слѣдующаго дня. Такъ иногда продолжалось по три, по четыре дня сряду.

За то, какъ нерѣдко бываетъ у артистическихъ натуръ, эти порывы неудержимой веселости смѣнялись мрачнымъ настроеніемъ. Въ молодости эти припадки хандры бывали даже такъ сильны, что они озабочивали родныхъ. Сохранилось письмо Евгенія Абрамовича, въ которомъ онъ проситъ отца моего съѣздить въ Мару, потому что Сергѣй Абрамовичъ впалъ въ мрачную меланхолію. Отецъ мой, съ молоду и до конца жизни, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Сергѣя Абрамовича.

Для дополненія характеристики этой замѣчательной и оригинальной личности можно привести сохранившійся отрывокъ изъ посланія къ нему Н. Ф. Павлова, гостившаго въ 1832 году въ деревнѣ у моего отца. Это посланіе было писано по поводу излѣченія Сергѣемъ Абрамовичемъ стараго камердинера Павлова, Ивана. Оно начинается такъ:

Тамъ, гдѣ толпилися Татары,
Гдѣ вѣки замели ихъ слѣдъ,
Гдѣ буйный вихорь ихъ побѣдъ
Едва намъ слышенъ въ звукахъ Мары,
Тамъ мирный степи гражданинъ,
Науки сумрачный поклонникъ,
Аптекарь, докторъ, дворянинъ,
Какой-то странный беззаконникъ,
Какой-то на Руси пришлецъ,
Какой-то сумасбродный Чацкій,
И не военный, и не статскій,
Кого не встрѣтишь за обѣдней,
Кто въ жизни новый тонъ сыскалъ,
Не ставилъ ни въ чьей передней,
За то въ газетахъ не стоялъ;
Кто смерти не даетъ потачки,
Не возитъ красненькихъ домой,
Склонился чуткой головой
Къ одру нервической горячки.....

Можно себѣ представить, какой живой и разнообразный семейный кругъ слагался изъ подобныхъ элементовъ. И когда къ блестящимъ дарованіямъ мужчинъ присоединялось общество изящныхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, упомянутыхъ выше женъ братьевъ Баратынскихъ и сестеръ ихъ, постоянно жившей съ матерью пылкой, восторженной Натальи Абрамовны и наѣзжавшей иногда Варвары Абрамовны Рачинской, то понятно, какой привлекательный центръ умственной жизни составляла въ то время затерянная въ степной глуши, никому невѣдомая Мара.

Рядомъ съ этими высшими проявленіями провинціальной жизни стояли и рѣзкіе къ нимъ контрасты. Верстахъ въ 20 отъ Мары и Любичей лежитъ село Оржевка, заселенное въ то время старосвѣтскими помѣщиками. Самыми крупными владѣльцами были братья Мартыновы. Старшій, Иванъ Дмитріевичъ, добродушный хлѣбосолъ, жилъ въ сосѣднемъ съ Оржевкою Хилковѣ. Сюда, въ день его рожденія или именинъ, 1-го Августа, стекались толпы народа, не только изъ Кирсановскаго уѣзда, но даже изъ сосѣднихъ губерній. Тутъ съ утра до ночи былъ пиръ горой, театральныя представленія, музыка, балъ, продолжавшійся до восхожденія солнца, когда всѣ разъѣзжались. Мнѣ самому еще случалось быть съ Баратынскими на этихъ празднествахъ. Второй братъ, Сергѣй Дмитріевичъ, былъ напротивъ скряга; онъ ѣздилъ по гостямъ съ огромнымъ пукомъ ассигнацій, завернутыхъ въ грязный платокъ и, играя по маленькой въ карты съ дамами, какъ бы нечаянно придѣлывалъ хвостики къ записаннымъ имъ нулямъ. Сестра ихъ Авдотья Дмитріевна, не глупая, хотя вовсе необразованная женщина, была самымъ важнымъ лицомъ въ Оржевкѣ и всегда принимала множество гостей. Она особенно чествла Кривцова и когда онъ пріѣзжалъ къ ней обѣдать, ставила передъ нимъ особенную бутылку вина, которая предназначалась «для *хорошихъ* гостей», а другимъ не давалась, на что̀ послѣдніе не изъявляли никакой претензіи. Равенство, въ какомъ бы то ни было видѣ, было вовсе не въ Русскихъ нравахъ; оно явилось къ намъ какъ иностранное нововведеніе.

Объ Оржевкѣ ходили безчисленные анекдоты, которые забавляли сосѣдей. Помню, между прочимъ, достойный пера Гоголя разсказъ о разговорѣ между двумя братьями Мартыновыми. Послѣ долгаго раздумья, Сергѣй Дмитріевичъ обратился къ старшему брату съ вопросомъ: «Не правда-ли, братецъ, какъ это странно, что всѣ рѣки впадаютъ въ Волгу? Напримѣръ Цна впадаетъ въ Оку, Ока въ Волгу; Ворона впадаетъ въ Хоперъ, Хоперъ въ Волгу». Иванъ Дмитріевичъ былъ совершенно озадаченъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ. Поразсмысливъ хорошенько, онъ отвѣчалъ: «Да, въ самомъ дѣлѣ, это очень странно».

Были постоянныя сношенія и съ помѣщиками сосѣднихъ губерній, Саратовской и Пензенской. Верстахъ въ 30 отъ Любичей, на берегу Хопра, лежитъ великолѣпное помѣстье князей Голицыныхъ, Зубриловка, съ обширнымъ старымъ паркомъ, съ огромнымъ барскимъ домомъ, построеннымъ еще въ XVIII вѣкѣ фельдмаршаломъ княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, который проживалъ здѣсь съ семействомъ. По смерти его это имѣніе досталось второму его сыну Ѳедору Сергѣевичу, при которомъ житье въ Зубриловкѣ представляло рядъ безконечныхъ празднествъ. Радушный и веселый, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ болѣе всего

любилъ принимать и угощать. Двери были раскрыты настежъ всѣмъ и каждому; за обѣдомъ всегда были толпы всякаго народа. При такомъ порядкѣ не трудно было разстроить состояніе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ уже умеръ, и въ Зубриловкѣ жила его вдова съ младшими дѣтьми, а старшіе находились на службѣ. Кривцовы состояли съ Голицыными въ родственныхъ отношеніяхъ и навѣщали другъ друга.

Еще чаще были сношенія съ старшимъ сыномъ фельдмаршала, кн. Григоріемъ Сергѣевичемъ, который жилъ въ сосѣднемъ съ Зубриловкою Григорьевскомъ. Это былъ старый Русскій вельможа, не глупый, но съ необыкновенными причудами и затѣями. У него была страсть къ постройкамъ, вслѣдствіе чего, не смотря на свое старшинство, онъ отказался отъ Зубриловки, гдѣ все уже было готово, и взялъ себѣ голую степь, гдѣ надо было все воздвигать вновь. Построенъ былъ громадный домъ, но вскорѣ, къ удовольствію хозяина, этотъ домъ сгорѣлъ. Сынъ князя, Григорія Сергѣевича, Левъ Григорьевичъ, разсказывалъ мнѣ, что однажды вечеромъ, возвращаясь изъ гостей домой, онъ увидѣлъ большое зарево и къ ужасу своему убѣдился, что горитъ домъ. Онъ спѣшитъ домой, воображая, что найдетъ отца въ смятеніи и отчаяніи, и что же онъ видитъ? Князь Григорій Сергѣевичъ смотритъ издали на пожаръ, съ бумажкою въ рукахъ, и чертитъ планъ новаго дома. Когда сынъ подъѣхалъ, онъ съ восторгомъ принялся разсказывать ему, какія онъ сдѣлаетъ усовершенствованія въ новой постройкѣ. Разумѣется, отъ большаго состоянія въ непродолжительномъ времени осталось весьма мало. Подъ старость князь Григорій Сергѣевичъ большею частію проживалъ одинъ въ деревнѣ, и такъ какъ у него не было болѣе средствъ, то онъ тѣшилъ себя тѣмъ, что давалъ балы для дворовыхъ людей всей окрестности. Онъ угощалъ ихъ пряниками и орѣхами, при сальныхъ свѣчахъ, и самъ танцовалъ съ ними до упаду. Другая его затѣя состояла въ томъ, что онъ у себя дома, въ полномъ облаченіи, самъ служилъ обѣдню. Сыновья его, живые, веселые, свѣтскіе люди, съ артистическими наклонностями, одни музыканты, другіе живописцы, старшій Сергѣй, извѣстный разскащикъ, часто навѣщали отца и проживали въ Любичахъ, также какъ и сестра ихъ, графиня Шуазель.

Нерѣдко посѣщалъ Любичи и другой Саратовскій помѣщикъ тѣхъ же мѣстностей, Адріанъ Михайловичъ Устиновъ, владѣлецъ большаго села Бекова, лежащаго тоже на Хопрѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Зубриловки и славящагося понынѣ своею ярмаркою. Адріанъ Михайловичъ былъ человѣкъ милый, привѣтливый, образованный. Онъ интересовался всѣми вопросами дня, и философскими, и политическими. Jour-

nal des Débats не выходилъ у него изъ рукъ. Притомъ онъ былъ страстный садоводъ и имѣлъ великолѣпныя оранжереи. Онъ дожилъ до глубокой старости и, 80 лѣтъ отъ роду, съ жаромъ спорилъ о новѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ, о религіозныхъ мнѣніяхъ Милля. Беково было также центромъ, куда, особенно въ извѣстные дни, стекались отовсюду. 26-го Августа, въ день именинъ Адріана Михайловича, а также и во время ярмарки, въ первыхъ числахъ Октября, огромный Бековскій домъ наполнялся множествомъ народа. Тутъ въ теченіи нѣсколькихъ дней были танцы, фейерверки, пиры.

Изъ Пензы наѣзжалъ извѣстный агрономъ Иванъ Васильевичъ Сабуровъ, а также чета Горсткиныхъ, онъ — сосланный декабристъ съ острымъ и злымъ языкомъ, она — красивая женщина. Наѣзжали и жители столицъ. Въ 1832-мъ году нѣсколько мѣсяцевъ гостилъ въ Уметѣ Николай Филипповичъ Павловъ, котораго блестящій, тонкій и острый умъ вносилъ новое оживленіе въ эту сферу. Онъ былъ пріятелемъ моего отца и пріѣхалъ въ деревню, чтобы на досугѣ писать свои первыя «Три Повѣсти», которыя въ свое время составляли видное явленіе въ Русской литературѣ. Онъ читалъ ихъ въ Любичахъ и посвятилъ ихъ моему отцу съ характеристическимъ для обоихъ четверостишіемъ:

Тебѣ понятна лжи печать,
Тебѣ понятна правды краска;
Но не могу я разгадать
Что въ жизни быль, что въ жизни сказка.

Въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ сохранился еще образъ Н. Ф. Павлова, играющаго въ шахматы съ Яковомъ Ивановичемъ Сабуровымъ. Страстный игрокъ, Павловъ искалъ въ шахматахъ удовлетворенія, котораго не давала деревенская жизнь; но онъ всегда былъ побиваемъ Сабуровымъ, который былъ несравненно сильнѣе его. Постоянный посѣтитель Умета, Мары и Любичей, Я. И. Сабуровъ былъ также видное лицо въ свое время. Весьма неглупый, образованный, все читавшій, съ разнообразными свѣдѣніями, хотя нѣсколько шаткими мыслями и характеромъ, онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ и съ высшими Петербургскими сферами, и съ литературнымъ міромъ.

Изъ Петербургскихъ жителей посѣтилъ Кривцовыхъ проѣздомъ кн. Вяземскій, а въ 1833-мъ году пріѣхалъ въ Любичи Тимирязевъ, который служилъ тогда въ Петербургѣ, а вскорѣ потомъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Астрахань, гдѣ онъ въ теченіи 20-ти лѣтъ состоялъ почти полновластнымъ хозяиномъ. Тимирязевъ незадолго передъ тѣмъ женился на родной сестрѣ Катерины Ѳедоровны и пріѣхалъ навѣстить своихъ новыхъ родственниковъ. Катерина Ѳед., сообщая моей

матери свою радость по поводу пріѣзда новаго зятя и счастья сестры, которую она очень любила, прибавляетъ однако: «Mais avec toutes ces belles paroles et ces grandeurs, je ne changerais pour rien au monde mon existence avec la leur; il me paraissait si drôle avec son Pétersbourg, la cour, l'Empereur, etc... etc... Cela jure si fort avec nos steppes, où il n'est permis de rêver et de penser qu'à la liberté. Assis sur la terrasse, notre vue s'étend si loin, cet horizon immense, le calme d'une nuit magnifique vous élèvent tant l'âme, que vous ne pouvez voir au-dessus de vous que le ciel; mais la restreindre à se soumettre aux volontés et caprices des autorités terrestres, est un joug que nous avons secoué depuis longtemps et qui nous paraît trop au-dessous de nous qui avons les steppes pour parc» *).

Изъ этихъ словъ не слѣдуетъ однако заключить, что въ описываемомъ здѣсь обществѣ господствовало рѣзко-либеральное направленіе. Безъ сомнѣнія, образъ мыслей образованныхъ помѣщиковъ того времени былъ либеральный, насколько это требуется отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. Они цѣнили свободу, понимали потребность реформъ. Въ бумагахъ Кривцова найдены были даже проекты освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ землею. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ не было рѣшительно ничего похожаго на тотъ оппозиціонный, воинствующій либерализмъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ. Напротивъ, они уважали власть, въ которой видѣли охрану порядка и залогъ своего благосостоянія. Но уважая ее издали, они не преклонялись передъ нею, держали себя въ сторонѣ, съ независимостью и достоинствомъ. Причина этого различія понятна. Въ столицахъ живо чувствовался тотъ тяжелый деспотизмъ, который въ то время безпощадно подавлялъ всякое живое движеніе мысли, всякое свободное слово и обращалъ въ преступленіе самые невинные поступки. Тамъ власть являлась на каждомъ шагу, въ самыхъ непривѣтливыхъ своихъ формахъ, и на каждомъ шагу, во всякомъ человѣкѣ, у котораго шевелился мозгъ, у котораго были образованныя стремленія, возбуждала оппозиціонныя чувства. До какой степени эта оппозиція была права, показали послѣдующія событія. Въ Крымскую войну оказалась пол-

*) Но со всѣми этими пышными словами и этимъ величіемъ, я ни за что на свѣтѣ не промѣняла бы свою жизнь на ихнюю. Онъ мнѣ казался такъ смѣшонъ съ своимъ Петербургомъ, дворомъ, государемъ и пр, проч.; это такъ мало приходится къ нашимъ степямъ, гдѣ позволено мечтать и думать только о свободѣ. Съ террассы нашъ кругозоръ простирается такъ далеко, этотъ безконечный горизонтъ, тишина ночи такъ возвышаютъ вамъ душу, что вы можете видѣть надъ собою одно только небо; заставить же ее покориться волѣ и капризамъ земныхъ властей, это—иго, которое мы сбросили давно: оно кажется намъ слишкомъ низкимъ, намъ, которымъ степь служитъ паркомъ.

ная несостоятельность этой системы, которая стремилась все Русское общество подчинить солдатской дисциплинѣ, превратить Россію въ полкъ, гдѣ каждый долженъ былъ стоять во фронтѣ, молчать и маршировать по командѣ. Съ новымъ царствованіемъ, при всеобщемъ ликованіи, все это зданіе рухнуло разомъ. Но дѣло въ томъ, что въ провинціи эта система далеко не могла найти такого примѣненія, какъ въ столицахъ. Безконечныя пространства ослабляли ея дѣйствіе, слово команды терялось въ просторѣ степей. Даже въ самую темную пору царствованія императора Николая, съ 48-го года по 55-й, каждый, переѣзжая въ деревню, могъ чувствовать, до какой степени въ провинціи дышалось свободнѣе. Тутъ не было ни цензурныхъ нелѣпостей, ни тайной полиціи, ни генералъ-губернаторской расправы. Всякій могъ думать и говорить что́ хотѣлъ. Въ тридцатыхъ годахъ этотъ вольный духъ, господствовавшій въ провинціи, царилъ еще безпрепятственнѣе. Конечно, въ то время не было никакой публичной жизни, о плодотворной дѣятельности на общую пользу не могло быть рѣчи. Но къ этому и не стремились тѣ образованные помѣщики, о которыхъ я говорю. Вполнѣ понимая современныя условія, они не искали ни государственной, ни даже общественной службы. Еще менѣе они добивались какихъ либо почестей. Все это они предоставляли людямъ иного разряда. Сами же они довольствовались независимымъ положеніемъ, счастьемъ и благоустройствомъ домашняго быта, образованнымъ кругомъ друзей, хозяйственными занятіями, наконецъ управленіемъ подвластныхъ имъ крестьянъ, которыхъ благосостояніе росло подъ ихъ просвѣщеннымъ попеченіемъ. И эта полная, обезпеченная и независимая жизнь не встрѣчала никакихъ преградъ. Даже мѣстныя власти не только не давали чувствовать своего оффиціальнаго превосходства, но напротивъ, сами искали сближенія съ этими мѣстными тузами, которые своимъ умомъ, образованіемъ и общественнымъ положеніемъ возвышались надъ общимъ уровнемъ и пользовались тѣмъ бо́льшимъ авторитетомъ, что ничего не искали.

Кривцовъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ въ этой сферѣ, среди любимыхъ имъ сельскихъ занятій и созданнаго имъ благоустройства. Онъ часто повторялъ, прилагая ихъ къ себѣ, стихи Пушкина:

Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ *Любичи* Господь меня привелъ.

Письма Катерины Ѳедоровны также дышатъ счастьемъ. Она наслаждалась природою, ѣздила верхомъ, пѣла съ Львомъ Баратынскимъ,

разъигрывала съ Голицыными сонаты Бетховена, занималась воспитаніемъ дочери, а между тѣмъ сама завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ, носила при себѣ ключи отъ кладовой, выдавала провизію. Жизнь текла спокойно и ровно среди довольства и удобствъ. При твердомъ и сдержанномъ характерѣ Николая Ивановича, многимъ со стороны могло казаться, что Катеринѣ Ѳедоровнѣ не легко съ нимъ было жить. Она сама, въ шутливомъ тонѣ, отвѣчаетъ на это въ одной изъ записокъ къ моей матери. «Je suppose que c'est Ѳедосья Андреевна qui m'aura représentée comme une victime résignée du despotisme; mais je n'en conviens pas, car de toutes les chansons mon refrein favori est celui de Griselidis: obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander [1]). Въ другой запискѣ, отвѣчая на приглашеніе пріѣхать въ Уметъ, она пишетъ, что къ сожалѣнію не можетъ этого сдѣлать, потому что Кривцовъ пріѣдетъ въ 3 часа и ему будетъ непріятно не найти ея дома. «Vous avez remarqué, прибавляетъ она, qu'il est possédé du démon de la tendresse; il est si agréable à une femme de savoir que son mari revient avec plaisir à la maison, qu'elle doit mettre tous ses soins à maintenir cette heureuse disposition» [2]).

Между Любичами, Уметомъ и Марою былъ почти ежедневный обмѣнъ, если не посѣщеній, то записокъ и посылокъ. Изъ столицъ получались всѣ новости дня. Пушкинъ присылалъ Кривцову свои вновь появляющіяся сочиненія. Стихи Баратынскаго, разумѣется, прежде всего были извѣстны въ Марѣ. Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали моего отца обо всемъ, что появлялось въ литературѣ Русской и иностранной, пересылали ему выходящія книги. Послѣдній романъ Бальзака, недавно вышедшія лекціи Гизо, сочиненія Байрона, пересылались изъ Умета въ Любичи и изъ Любичей въ Мару. И все это, при свиданіи, становилось предметомъ оживленныхъ бесѣдъ. Когда въ 1834 г., вслѣдствіе нездоровья Катерины Ѳедоровны, Кривцовы поѣхали на зиму въ Петербургъ, Катерина Ѳедоровна, нѣсколько отвыкшая отъ свѣтской болтовни, была поражена пустотою тамошняго общества, въ сравненіи съ тѣмъ, съ чѣмъ она освоилась дома. Вращаясь въ самыхъ образованныхъ салонахъ Петербурга, у Карамзиныхъ, Блудовыхъ, Вяземскихъ, она писала моей матери: «La société, comme je la

---

[1]) Вѣроятно Ѳедосья Андреевна представила меня покорною жертвою деспотизма, но я въ этомъ не признаюсь; ибо изъ всѣхъ пѣсенъ всего болѣе люблю припѣвъ Грисельды: „повиноваться тому, что любишь, гораздо слаще, нежели повелѣвать“.

[2]) Вы замѣтили, что онъ одержимъ демономъ нѣжности; а для женщины такъ пріятно знать, что мужъ съ удовольствіемъ возвращается домой, что она должна приложить всѣ старанія въ поддержанію этого счастливаго расположенія.

vois, m'ennuie; il faut tourbilloner avec, ou bien rester à la campagne, car de ma vie je n'aurais cru qu'on puisse pousser la frivolité au point où je la trouve ici. Совершенно не съ кѣмъ душу отвести, et vous savez comme cela m'arrange. Comment comparer ces réunions à celles de Lubitzi, d'Oumette, ou de Mara? J'ai cependant fait une prosélyte, прибавляетъ она: c'est la fille de m-r Bloudoff, qui a beaucoup d'esprit et d'imagination; elle raffolle de mes récits de campagne et de notre médecin de campagne; elle se meurt d'envie d'essayer de se genre de vie; la tête lui en tourne. Aussi quand nous sommes ensemble, nous ne tarissons pas sur ce sujet, elle par instinct et moi par réminiscence».

Такое сравненіе деревенскаго общества съ тогдашнимъ Петербургскимъ не должно считаться преувеличеннымъ. Когда Петербургскимъ жителямъ приходилось заѣзжать въ этотъ отдаленный уголокъ Россіи, они, въ свою очередь, были поражены тѣмъ, что̀ тамъ находили. «Вы не увидите болѣе такого общества,» говорила мнѣ одна Петербургская великосвѣтская дама того времени, проживавшая иногда лѣтомъ въ нашихъ странахъ; «когда, бывало, эти господа соберутся за обѣдомъ или вечеромъ, только сидишь и заслушиваешься».

Этой блаженной жизни не суждено было длиться. Здоровье Катерины Ѳедоровны пошатнулось, она стала иногда хандрить. При такихъ условіяхъ, безвыѣздное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось затруднительнымъ. Пришлось повторять поѣздки въ Петербургъ. Съ своей стороны, пріятельскій кругъ, если не распался, то сталъ менѣе тѣснымъ. Въ 1833 году умеръ мой дѣдъ, и мои родители переселились изъ Умета, который достался моей теткѣ. Въ 1835-мъ г. они часть лѣта провели въ Любичахъ, гдѣ со всею семьею помѣщались въ башнѣ. Объ этомъ пребываніи сохранились самыя лучшія воспоминанія. Катерина Ѳед провожала ихъ со слезами. Въ 1837-мъ году мой отецъ купилъ имѣніе въ томъ же Кирсановскомъ уѣздѣ, но въ 50-ти верстахъ отъ Мары и Любичей, такъ что сношенія сдѣлались менѣе часты. Новое помѣстье, село Караулъ, лежало въ прелестной мѣстности на берегу Вороны; тутъ былъ старый садъ, но тѣсную и ветшавшую усадьбу приходилось всю перестроить заново, примѣняясь къ потребностямъ большаго и зажиточнаго семейства. Разу-

---

[1]) Общество, какъ я его вижу, мнѣ надоѣдаетъ; надо съ нимъ вертѣться или оставаться въ деревнѣ, ибо я въ жизни своей не воображала, что можно довести суетность до той степени, въ какой я вижу ее здѣсь. Совершенно не съ кѣмъ душу отвести, а вы знаете, какъ это мнѣ приходится. Какъ сравнить эти собранія съ нашими собраніями въ Любичахъ, въ Уметѣ или Марѣ? Однако у меня нашлась послѣдовательница. Это дочь г-на Блудова, одаренная большимъ умомъ и воображеніемъ. Она въ восхищеніи отъ моихъ разсказовъ про деревню и про нашего деревенскаго медика. Ей до смерти хочется пожить такою жизнію; голова у нея оттого кружится и когда мы вмѣстѣ, мы не наговоримся объ этомъ предметѣ: она изъ безсознательнаго побужденія, а я по воспоминаніямъ.

мѣется, въ этомъ дѣлѣ Кривцовъ былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ. Онъ чертилъ планы для разныхъ строеній, давалъ указанія, исполнялъ порученія, дѣлалъ закупки, самъ ѣздилъ наблюдать за постройками, когда моему отцу нужно было отлучаться по дѣламъ. Однако и его здоровье, доселѣ крѣпкое, начинало слабѣть. Въ 1840-мъ г., въ дѣловомъ письмѣ изъ Москвы, извѣщая о сдѣланныхъ имъ для отца покупкахъ, онъ жалуется на нездоровье и съ грустью прибавляетъ: «мало осталось масла въ лампадѣ». Слова для Кривцова весьма знаменательныя, ибо онъ никогда ни на что не жаловался и молча и терпѣливо все выносилъ. Въ 1842 мъ году онъ началъ чувствовалъ боль въ оторванной ногѣ, такъ что не могъ уже надѣвать своей пробочной ноги, и долженъ былъ ходить на костыляхъ. Такимъ я его помню въ послѣдній его пріѣздъ въ Караулъ весною 1843 года. Какъ теперь представляю себѣ эту величественную фигуру, высокаго роста, съ большимъ умнымъ лбомъ, плотно остриженную, въ золотыхъ очкахъ, расхаживающую на костыляхъ предъ нашимъ домомъ. Но на видъ онъ казался еще бодрымъ и свѣжимъ. Никто не подозрѣвалъ близкой развязки, какъ вдругъ 1-го Августа 1843 года пришла изъ Любичей роковая вѣсть: наканунѣ Кривцовъ скончался. Болѣзнь длилась всего два-три дня. По своему обыкновенію, Николай Ивановичъ скрывалъ свое состояніе отъ близкихъ, такъ что всѣ были ошеломлены этимъ неожиданнымъ ударомъ.

Мои родители немедленно поѣхали въ Любичи. Похороны произошли во всемъ согласно сдѣланнымъ заранѣе распоряженіямъ Николая Ивановича. Онъ погребенъ въ построенной имъ часовнѣ, среди чистаго поля. Въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, образовалась пустота, которую ничто уже не могло восполнить.

Катерина Ѳедоровна была совершенно убита постигшимъ ее несчастьемъ. Ея жизнь до такой степени слилась съ Николаемъ Ивановичемъ, до такой степени, можно сказать, поглощалась имъ, что не только она теряла всякую опору, но, казалось, исчезала для нея самая возможность существованія. Вскорѣ новый ударъ еще усугубилъ горе: Павелъ Ивановичъ, при извѣстіи о смерти брата, пріѣхалъ съ семьей изъ Рима и почти черезъ годъ послѣ Николая Ивановича скончался въ Любичахъ скоропостижно. Любичи превратились въ монастырь.

Волею или неволею приходилось однако выѣзжать изъ этого монастыря. Дочь была молода, и ее невозможно было держать въ заперти. Но ни успѣхи дочери въ свѣтѣ, ни послѣдующая свадьба ея ничто не могло отвлечь Катерины Ѳедоровны отъ того прошлаго, которое влекло ее къ себѣ съ неудержимою силой. Она жадно и ревниво ухватывалась за все, что̀ напоминало ей это невозвратно потерянное прошлое.

Друзья Николая Ивановича сдѣлались для нея вдвойнѣ ближе и дороже. «Il me semble, que vous êtes des branches de ce beau chêne sous lequel j'étais si tranquillement abritée» [1]), писала она моей матери. Зять ея, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, братъ знаменитаго поэта, служилъ сначала въ Петербургѣ, потомъ нѣкоторое время въ Вильнѣ. Дочь постоянно звала ее къ себѣ и, наконецъ, Катерина Ѳедоровна рѣшилась ѣхать. Но она недолго выдержала разлуку съ любимыми мѣстами. Ее все тянуло въ Любичи, гдѣ протекла лучшая пора ея жизни, къ дорогой могилѣ, къ неотвязнымъ воспоминаніямъ. Тамъ на нее все вѣяло невыразимою тоскою, и домъ, и разростающійся садъ; но отъ этой тоски она не могла оторваться. Ces beaux arbres agités par le vent ont l'air de se demander: «pour qui étendons nous nos branches et ouvrons nous nos feuilles?» [2]), писала она моей матери. И она грустно повторяла стихи изъ посвященнаго ей въ молодости стихотворенія Жуковскаго:

Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины.

Такъ провела она послѣдніе годы своей жизни почти въ полномъ одиночествѣ, погруженная въ воспоминанія и молитву. Наконецъ, въ 1860-мъ году она написала своей дочери, что рѣшается къ ней пріѣхать. Софья Николаевна обрадовалась. Катерина Ѳедоровна провела съ нею зиму въ Петербургѣ, а весною 1861-года тамъ же скончалась. Она похоронена возлѣ мужа, въ той же уединенной часовнѣ, среди любимыхъ ею степей. Любичи опустѣли, а потомъ перешли въ другія руки....

Понынѣ еще, проѣзжая по Тамбово.-Саратовской желѣзной дорогѣ, недалеко отъ станціи Уметъ, можно видѣть стройную башню возвышающуюся на холмѣ среди парка. Удивленный путникъ невольно спрашиваетъ себя: «откуда это причудливое зданіе, какъ будто занесенное, изъ другихъ, отдаленныхъ странъ? кто здѣсь жилъ? кто его строилъ?» Старики, помнящіе то время, могутъ отвѣчать, что здѣсь жилъ старый Русскій баринъ, съ просвѣщеннымъ умомъ, съ непреклонною волею, съ возвышеннымъ характеромъ, который въ дальней степи устроилъ себѣ бытъ, способный удовлетворить образованнаго человѣка; здѣсь обиталъ духъ, который нынѣ отлетѣлъ отъ Русской земли. Повѣетъ ли онъ когда-нибудь опять?

---

[1]) Мнѣ кажется, что вы вѣтви того прекраснаго дуба, подъ которымъ я находила такой спокойный пріютъ.

[2]) Эти великолѣпныя деревья, колеблемыя вѣтромъ, какъ будто спрашиваютъ себя: для кого простираемъ мы свои вѣтви и раскрываемъ мы свои листья?

Да, милая была старина! Русская литература односторонне и несправедливо отнеслась къ старому помѣщичьему быту. Въ своемъ неудержимомъ и законномъ стремленіи впередъ, она живыми красками изображала темныя стороны современности, оставляя безъ вниманія то, что̀ въ ней было привлекательнаго. Она описывала Оржевку, но не Мару и не Любичи. Въ особенности крѣпостное право возбуждало въ ней непріязнь ко всему построенному на немъ порядку. Стоя поодаль отъ этихъ временъ, мы можемъ смотрѣть на нихъ безпристрастнѣе. Мы должны сказать, что самое крѣпостное право, при всей его несовмѣстительности съ человѣческими чувствами и съ требованіями просвѣщенія, производило различное дѣйствіе, смотря по той средѣ, на которую оно попадало. Въ однихъ оно развивало барскую лѣнь и безпечность, въ другихъ необузданный, а иногда и звѣрскій произволъ, въ третьихъ сознаніе своего достоинства, чувство долга и отвѣтственности, наконецъ соединенную съ привычкой къ власти просвѣщенную независимость. Эти послѣднія черты отличали именно то общество, которое здѣсь описано. Это то, что̀ я, какъ свидѣтель, видѣлъ въ своей молодости. Уважать власть и никогда не гнуть передъ нею спину, дорожить независимостью и презирать почести, стремиться къ просвѣщенію, а не искать карьеры: таковъ священный завѣтъ, который мы, рожденные и воспитанные въ средѣ Русскаго провинціальнаго дворянства, получили отъ своихъ отцовъ и за который мы благословляемъ ихъ память. И если преобразованія прошедшаго царствованія нашли на мѣстахъ честныхъ и дѣльныхъ исполнителей, которымъ они главнымъ образомъ обязаны своимъ успѣхомъ, если понынѣ въ Русскомъ земствѣ находятся благородные дѣятели, ставящіе себѣ цѣлью не личныя выгоды, а общую пользу: то этимъ Россія обязана тѣмъ же преданіямъ, идущимъ изъ рода въ родъ, хотя увы! болѣе и болѣе затемняющимся и слабѣющимъ. Да они болѣе и болѣе слабѣютъ; этого нельзя не признать; да и можетъ ли быть иначе, при томъ громадномъ переломѣ, который совершился въ Русскомъ обществѣ? Нынѣшнимъ людямъ, живущимъ среди общаго разлада, среди несложившихся еще отношеній, не знающимъ, куда увлечетъ ихъ завтра волна, полная и гармоническая жизнь отцовъ представляется, какъ нѣчто чуждое, хотя и близкое, какъ отдаленные звуки какой-то забытой мелодіи. Родились новые потребности и интересы; но никто не станетъ утверждать, что водворилась бо̀льшая гармонія въ жизни, и едва-ли справедливо будетъ сказать, что мы наслаждаемся бо̀льшимъ довольствомъ и просвѣщеніемъ, нежели наши отцы. Въ настоящее время можно проѣхать всю Русскую землю, отъ Колы до Тавриды, и не найти ничего похожаго на тотъ

мирный и просвѣщенный уголокъ, который описанъ на предыдущихъ страницахъ.

Многіе, безъ сомнѣнія, скажутъ, что старикамъ свойственно восхвалять прошедшее и хулить настоящее. Это—черта общая всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Вездѣ изъ старческихъ устъ раздаются тѣ же сѣтованія и похвалы, на которыя не стоитъ обращать вниманія.

Въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ на лицо. Стоитъ только сослаться на факты. Описанный здѣсь бытъ есть бытъ того поколѣнія, которое произвело изъ себя Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Крылова, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Лермонтова, Гоголя, наконецъ блестящую плеяду людей сороковыхъ годовъ, славянофиловъ и западниковъ. Не съ неба же они свалились. Великія литературныя движенія не возникаютъ изъ дѣятельности маленькаго кружка, они порождаются вѣяніемъ всенароднаго духа. Настоящее время можетъ ли указать что-нибудь подобное? Предоставляю отвѣтъ безпристрастному читателю. Пускай онъ перелистуетъ Русскіе журналы за послѣднія двадцать пять лѣтъ, и, положа руку на сердце, скажетъ: появился ли за все это время хоть одинъ выдающійся талантъ? Существуетъ ли даже сколько нибудь серьезная критика? Полный хаосъ понятій, безконечная и праздная болтовня, отъ которой тошнитъ всякаго человѣка, воспитаннаго на серьезной мысли, вотъ все, что́ онъ обрѣтаетъ. А посмотрите на общество, сравните, напримѣръ Московское общество сороковыхъ годовъ, какъ его описываетъ Герценъ въ своихъ запискахъ, или баронъ Гакстгаузенъ въ своемъ путешествіи, съ тѣмъ, что́ можно найти тамъ въ настоящее время. Просвѣщеніе, безспорно, пошло въ ширь, но никакъ не въ глубь, и то, что́ оно выиграло въ количествѣ, то оно болѣе чѣмъ потеряло въ качествѣ. Техниковъ, спеціалистовъ стало больше, но истинно образованныхъ и мыслящихъ людей гораздо меньше.

Такое пониженіе общаго уровня не составляетъ исключительной принадлежности Русскаго общества. Оно точно также замѣчается и на Западѣ. Явнымъ его признакомъ, не говоря о другихъ, служитъ упадокъ литературы и полное отсутствіе поэзіи. Причинъ этого явленія не трудно доискаться. Онѣ заключаются во всемъ строѣ современныхъ обществъ, въ господствѣ реализма, демократіи и журналистики. Когда элементы, которые по своей природѣ должны стоять внизу, всплываютъ наверхъ и становятся господствующими, въ обществѣ неизбѣжно долженъ водвориться хаосъ, и общій уровень по необходимости понижается. Человѣчество, въ своемъ поступательномъ движеніи, не идетъ ровнымъ путемъ, равномѣрно развивая всѣ свои способности. Оно попеременно ставитъ себѣ то одну, то другую задачу; то всходитъ на горы, то спускается въ долины. Прохожденіе низменностей во многихъ

отношеніяхъ бываетъ плодотворно; оно доставляетъ богатую добычу, но вмѣстѣ съ тѣмъ съуживаетъ горизонтъ и выводитъ человѣка изъ тѣхъ высшихъ сферъ, которыя однѣ способны просвѣщать и облагораживать душу. Уже Токвиль, съ своимъ глубокимъ взглядомъ, замѣтилъ, что демократія ведетъ къ господству посредственности. Современныя явленія вполнѣ подтверждаютъ этотъ выводъ Нынѣшній вѣкъ, по выраженію одного остроумнаго Французскаго писателя, можно характеризовать, какъ возрастающее благосостояніе среди все возрастающей пошлости (un bien- être croissant au milieu d'une croissante vulgarité).

У насъ, увы! нѣтъ даже этого искупающаго признака: увеличивающагося благосостоянія мы не ощущаемъ; за то пошлость, въ странѣ «Мертвыхъ Душъ», сверху до низу царитъ безпрепятственно. Къ общимъ причинамъ, ведущимъ къ пониженію умственнаго и нравственнаго уровня, у насъ присоединились свои особенныя, которыя усилили зло.

Въ Россіи пониженіе общественнаго уровня началось сверху, гораздо ранѣе, нежели на Западѣ. Оно было послѣдствіемъ реакціи, наступившей послѣ 1825 г. Не могло же пройти безслѣдно это суровое преслѣдованіе всякаго свободнаго движенія мысли. Однако въ то время въ Русскомъ обществѣ сохранялись еще элементы, которые противодѣйствовали гнету. Между тѣмъ какъ высшіе слои болѣе и болѣе погружались въ раболѣпство и невѣжество, ибо требовалась безусловная покорность, а образованія не требовалось никакого, среднее дворянство хранило еще въ себѣ лучшія черты своего сословія. Въ Москвѣ оно являлось въ видѣ либеральныхъ кружковъ, въ провинціи въ видѣ независимыхъ помѣщиковъ. Въ то время университеты доставляли значительный контингентъ образованныхъ людей. Но скоро и университеты постигъ погромъ. Въ 1849 году Русскому просвѣщенію нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго оно никогда не оправилось. Съ тѣхъ поръ оно переходило изъ однихъ неумѣлыхъ рукъ въ другія, все худшія и худшія. Несчастное Русское юношество поперемѣнно испытывало на себѣ самыя противоположныя теченія, подвергаясь то строжайшей дисциплинѣ, то полной распущенности, но никогда разумному руководству. Мудрено-ли, что нѣкоторая часть его обратилась къ нигилизму; удивительно, что не бо́льшая. Съ 1849 г. въ Россіи жутко становилось всякому человѣку, у котораго не совсѣмъ заглохла мысль. Мы дожили наконецъ, до того, что И. С. Тургенева сажали на гауптвахту за нѣсколько сочувственныхъ словъ о смерти Гоголя, а Н. Ф. Павлова ссылали въ Пермь за найденныя въ его библіотекѣ весьма невиннаго свойства запрещенныя къ ввозу иностранныя книги. Все принизилось и затихло.

Послѣ Крымской войны, съ новымъ царствованіемъ наступила новая пора. Двери отворились, общество встрепенулось, реформа послѣдовала за реформой въ самомъ широкомъ и плодотворномъ смыслѣ. Всѣ надежды лучшихъ людей прежняго времени, повидимому, сбылись. Но тутъ наступила другая бѣда. Общество незрѣлое, долго приниженное, не привыкшее ходить на своихъ ногахъ, будучи вдругъ выпущено на волю, легко хватаетъ черезъ край. Недостаточно дать ему свободу; ему необходимо разумное руководство. Русское общество тѣмъ болѣе въ немъ нуждалось, что преобразованія уничтожили весь старый строй, перевернули всѣ отношенія, и частныя, и общественныя; все нужно было создавать вновь, вездѣ искать новой дороги. А между тѣмъ, именно руководства не оказалось. Преобразованія были совершены громадныя, они всюду должны были возбуждать новый духъ; а управленіе освобожденнымъ и обновленнымъ обществомъ ввѣрено было той же старой, изношенной, мертвящей бюрократіи, въ противность евангельской заповѣди, запрещающей вливать новое вино въ старые мѣхи. Съ своей стороны, въ обществѣ, какъ руководящій элементъ, воцарилась журналистика, которая получила привилегированное положеніе. Журналистъ одинъ пріобрѣлъ право, публично, вкривь и вкось толковать обо всемъ на свѣтѣ. То, что̀ не всегда выносятъ даже политически-зрѣлые народы, то водворилось среди общества, едва выпущеннаго на волю, расшатаннаго во всѣхъ основахъ, не знающаго куда ступить. И пошли писать! Если требовалось окончательно сбить съ толку не успѣвшихъ осмотрѣться Русскихъ людей, то разнузданная журналистика съ необыкновеннымъ успѣхомъ исполнила эту задачу. Не было нелѣпой мысли, которая бы не поддерживалась самыми видными органами печати; соціалистическая пропаганда шла на всѣхъ парахъ, измышленія Лассаля и Карла Маркса, равно какъ и самыя крайнія теоріи матеріалистовъ, безпрепятственно распространялись въ Русской публикѣ; а къ довершенію смутъ, какъ реакція противъ этого направленія, среди общества, въ которомъ нужно было утвердить и упрочить новопосѣянную свободу, возникла проповѣдь всеобщаго холопства, палки и кулака. Повидимому, самый простой здравый смыслъ указывалъ на то, что юныя, неокрѣпшія учрежденія, насажденныя на неприготовленную почву, при неблагопріятныхъ условіяхъ, требуютъ прежде всего заботливаго огражденія и ухода; а между тѣмъ, люди самыхъ противоположныхъ направленій, и сверху, и снизу, принялись теребить ихъ во всѣ стороны, обдавая ихъ то холодомъ, то жаромъ, то наталкивая ихъ на невозможныя требованія, то осыпая ихъ ругательствами и стараясь искоренить въ нихъ всякую тѣнь независимости. Что̀ же могло

выйти изъ всего этого, кромѣ полнаго смѣшенія понятій, ослабленія всякихъ нравственныхъ связей, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ?

Таково наше настоящее положеніе. Одно общество ушло, а другое еще не сложилось, точь въ точь, какъ въ извѣстной картинѣ перехода Израильтянъ черезъ Чермное море, гдѣ было только чистое полотно, потому что выбранъ былъ моментъ, когда Израильтяне уже прошли, Египтяне еще не пришли, а море отступило. Но у насъ, къ несчастью, полотно не осталось чистымъ; въ отсутствіе художника рамка, приготовленная для изящной картины, наполнилась Богъ знаетъ какимъ содержаніемъ. Бѣдная Россія! Того ли чаяли благороднѣйшіе ея сыны, когда они работали для будущаго? И въ такомъ положеніи, когда ни сверху, ни снизу не видать ни единаго луча свѣта *), который пробивался бы сквозь окружающій насъ мракъ, среди умственнаго запустѣнія и расшатанныхъ матеріальныхъ основъ, среди бюрократической мертвечины и журнальнаго верхоглядства, среди соціаль-демократическихъ бредней и реакціонной наглости, что̀ остается Русскому человѣку, у котораго сердце болѣетъ за отечество, какъ не обращаться съ любовью къ прошлому и воскрешать въ себѣ образы людей, какихъ нѣкогда производила Русская земля? И тутъ возгорается лучъ надежды, и думается, что производительная сила земли не изсякла и что, можетъ быть, наши потомки увидятъ лучшіе дни, нежели тѣ, которые выпали намъ на долю. Но чрезъ какія испытанія должно пройти Русское общество, прежде нежели оно выбьется на настоящій путь?

Б. Чичеринъ.

Село Караулъ.
Сентябрь 1886 года.

*) Читатель припомнитъ, что это писано около четырехъ лѣтъ тому назадъ. П. Б.